

Пётр Грачёв

КЛЕРКИ И КРЕАКЛЫ

**Центральная городская публичная
библиотека им. В. В. Маяковского
Санкт-Петербург
2016**

ББК 84.(2=411.2)6-5

Г788

Составители

Игорь Хамитов, куратор проекта

Наталья Каш, куратор проекта, методист культурно-образовательного и проектного отдела Библиотечного информационного и культурного центра по искусству и музыке

Редакторы

М. Ф. Урсова, заведующая Библиотечным информационным и культурным центром по искусству и музыке

М. А. Пассет, заведующая культурно-образовательного и проектного отдела Библиотечного информационного и культурного центра по искусству и музыке

Дизайн и верстка

Василиса Кулик

Грачёв, П.

Г788 Клерки и креаклы: Стихотворения / Петр Грачев. — Санкт-Петербург: Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского, 2016. — 20 с.
ISBN 978-5-9907503-7-1

Авторский сборник двадцатилетний Петр Грачёв, максималист и интеллектуал, получил как награду в борьбе за сердца публики Чемпионата поэзии имени Владимира Маяковского, который проводит Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского в Санкт-Петербурге. Горячий и артистичный, Пётр с большим преимуществом выиграл, а скорее вырвал, Приз зрительских симпатий у своих коллег — остальных участников чемпионата.

ББК 84.(2=411.2)6-5

© ЦГПБ им. В. В. Маяковского, 2016

© Грачёв П., стихи, 2016

© Каш Н. А., вступительная статья, 2016

ISBN 978-5-9907503-7-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление. <i>Наталья Каш</i>	5
О Петре Грачёве. <i>Дарья Зенкова, Дмитрий Михеев</i>	6
Несколько слов обо мне самом	7
Осип Брик.....	8
Женщины	9
«Мечтаешь быть полным амбиций прозаиком-гением...»	10
Севастопольский Бульвар	11
Это я, Петечка	12
Вольная прелюдия к поэме «Великий Онанист»	13
Великий Онанист	14
Часть 1.....	14
Часть 2.....	15
Часть 3.....	16
Часть 4.....	17
Часть 5.....	18
Эпилог	19

Дорогой читатель!

Началась эта история три года назад от большой любви к поэзии Владимира Владимировича Маяковского. Летом 2014 года молодой, но уже известный петербургский поэт Джамиль Нилов пришел на Невский, 20 в Центр искусства и музыки ЦГПБ им. В. В. Маяковского с идеей провести поэтические соревнования. Идея была вдохновляющая, обсудили план действий и ринулись воплощать. Так появилось наше детище — Чемпионат поэзии имени Владимира Маяковского.

Поэтому в твоих руках, читатель, не просто поэтический сборник. Ты держишь ни много ни мало культурный аналог шестикилограммового золотого кубка Чемпионата мира по футболу! Этот сборник является призовым фондом Чемпионата поэзии, проходившего с ноября 2015-го по май 2016 года. Как создатели и кураторы Чемпионата поэзии, мы делаем всё, чтобы к проекту подключались новые имена и города. В этом году нам есть чем гордиться: к чемпионату присоединилась Москва! И в этом сезоне вышел сборник двух столиц. Наша мечта и цель — проводить чемпионат, в котором участвуют не меньше десяти городов, а Петербург сделать мировой столицей поэзии!

В этом году чемпионат поэзии открыл новых поэтов. Молодых поэтов. Талантливых поэтов. Чемпиону поэзии сезона 2015–2016 всего восемнадцать лет. Другому призеру — двадцать.

Авторский сборник двадцатилетний Петр Грачёв, максималист и интеллектуал, получил как награду в борьбе за сердца публики чемпионата. Горячий и артистичный, Пётр с большим преимуществом выиграл, а скорее вырвал, Приз зрительских симпатий у своих коллег — остальных участников Чемпионата.

Скорее открывай сборник и наслаждайся молодой современной поэзией, дорогой читатель!

*Наталья Каш,
куратор Чемпионата поэзии
от Центра искусства и музыки
библиотеки им. В. В. Маяковского*





Пётр Грачёв — молодой талантливый питерский поэт, первое стихотворение которого родилось не из глубоких переживаний или невероятных чувств, а из необходимости сдать домашнее задание на уроке литературы. Этот факт отлично отражает иронию, которая красной нитью проходит через все его творчество.

Пётр со своим талантом и, что более важно, острым умом отлично вписался в контекст уходящего постмодернизма, с изрядной долей иронии перерабатывая в своих поэтических и прозаических произведениях как идеи минувшего века, так и проблемы современного мира.

Данный сборник, с его бунтарским слогом и злободневными темами, не оставит равнодушными даже самых искусственных читателей.

*Дарья Зенкова,
редактор сборника*



Выдающийся современный поэт петербургской школы. Творчество Петра — это диалог и взаимодействие двух миров. Первый — это мир Серебряного века русской поэзии, популярной культуры двадцатого века, исторических персонажей и событий... Второй мир — это экзистенциальные переживания подростка, непрерывно думающего о девушках, погибающего в собственном одиночестве. И в столкновении этих миров рождаются чудесные, наполненные «лимоновской» энергией стихи.

Поэзия Петра Грачёва — это своеобразное продолжение прозы Буковского, картин Луче Фонтана и музыкальных композиций группы ПТВП.

*Дмитрий Михеев,
музыкант*



Несколько слов обо мне самом

I

Я люблю смотреть, как умирает Петя.
Толику тщеславия в этих строках не заметили?..

II

Пятна пальто, будто кто-то на них мягкий мел накрошил давно,
Черные пуговики, синими нитками еле пришитые
Это мой быт, тут нет места поездкам, отелям, машинам и
Чем прожигать, предпочел бы жизнь вечно в постели сушить.

Бунт для меня – это ночь, ситком Girls, интервью у себя же брать,
Мысли о гнозисе, Стейнбеке, телочках, юбками ряженных,
Это протест дня режиму, предночным чаям с тонких блюдец и ряженкам
Вечная здравого смысла с безумием юности тяжба.

В моей голове ночноденно заумные мысли тусуют
Чесать языком могу о бытии, как я свыкса с абсурдом,
Но точно не знаю, как тачку чинить или вымыть посуду,
Чтоб мама не знала, что ел из нее долгой выдержки суп,

Разумеется, веганский. Дома один, все семейство на даче,
Июль, нету пар, каждый честный студент в этот месяц батрачит,
А я тунеядец, хоть стыдно и мерзко, бездействую мрачный,
Изнежен, напуган, пухлею, скучаю – хоть смейся, хоть плачь.

Не зову к себе женщин, хоть дом мой пустует, нет стонов бессильных
Я просто дурацкое правило создал – не стоит косить
Под толкового, смелого, коли я сам столь пустой и плаксивый,
Простите за фальшь; а за вечер приятнейший – Стое спасибо.

Почти как герой, что в романе у Скотта Кей Фрэнсиса встречен,
Не Гэтсби, не Нобл, не Кэрэмел, с вами сам Энтони Пэтч
Я клеймлю лицемерно себя, ведь красив и идейно беспечен
Согласно учению Чарльза Буковски я – девственник вечный.

Осип Брик

Признаю поспешно, я – не Николай,
Зубастым не станет в минуту беззубый,
Я – вовсе не князь, ты – совсем как Аглая,
Безумно красива, красиво безумна.

И мысли вгоняя в ненужную строчку,
Пишу: «Да, я не был убитым в двадцать первом,
Но Осипом тоже не стану, Клин! Точка!»
И лицемерное в скобках «наверно».
Забор (Оконченное)

Века отзвенели, сорвались гроба, услышь, дней прыщавых подруга!
Мои поезда так устали лизать твои нежно-мещанские руки,
Но мне не привыкнуть к тому, что судьба твоя, сжав беспощадно подруги,
Промчалась, мою миновав, Гладиатором мимо несчастной Фру-Фру.

Как-будто меж нами забор и бросаюсь я непримиримо на прутья,
Трясу их, истошно кричу, что я тот же весьма уморительный трутень,
И только улучшился, смог отказаться от дыма курительной трубки,
Зато в гастрономах отчетливо слышу, чем пахнут куриные трупы.

Кричу, как я сотню отвратных стихов написал и кичился бесстыже,
Как пару хороших состряпал, но плюхнуться в женщин пучину не вышло,
Но ты за забором сидишь в мониторах, лишая причин эти вирши,
Спиною повернута. Грустно гадаю – не слушаешь или не слышишь?

А, впрочем, так лучше! Услышав ответ, рассыпался б детской мозаикой.
Мне страшно узнать, кто там снова смотря на тебя отобедал глазами.
Кричу же не ради ответа, не ради того, чтобы бедным казаться!..
Тебе о своём бытии рассказав его сам себе доказал бы.

Женщины

Затри за те три раза, или за *Razor'a*,
Или за музу, что слушает *Noize'a* и *Muse*.
Заразно влияние разных разящих сердца,
А меня учат женщинам Генри Чинаски и Джейсон Мьюис.

Модель идеальной затеял найти, что затеряна,
меж героинь *Tiny Girl* Игги Попа, и теми,
что любят романы Прилепина, и без всякой тени
смушения ноги раздвинут пред вами в моменты веселья.

Ох, девушка, так ли нужны вам все эти машины?
Так нужен ли этот силач, что затарил гашиш,
Я тот инфантил, кто так хочет казаться большим,
Я вас проведу по зловонным клоакам души своей,

Питерский хипстер простой с некрасивыми щами,
Я буду стихи Маяковского вам посвящать,
Мы нищими будем, хоть станем работать нещадно,
И лишь на уделке мы сможем разжиться вещами,

Сошла на гостинке, вцепившись в жирдяя руками,
Нейлон ее ног на прощанье вульгарно сверкал мне,
В вагоне метро проживаю жизнь в микромирях, где
Стою на горе из тел женских, в страданья ввергая их.

Мечтаешь быть полным амбиций прозаиком-гением,
Совсем как в двестишестидесятом был Алехин Евгений,
Но весь твой лайфстайл – мамин борщ, онанизм, иждивенье
Работать еще не работал, но плачу я с рвением,

Ночами ведь жарю я чаще в словах, не по факту,
А может во взгляде кумира увидел я *fuck*.
Вся хроника жизни сверкает в кумировых фарах:
Чью женщину я облизал на концерте *alfaro*.

Чьи деньги я трачу на новую порцию водки,
Мечтаю давно я на чьи разрешиться колготки
С укором взирает с обложки мой тёзка Кропоткин
На то как я дни убиваю под маминой кровлей,

Поэт по причине отсутствия секса и денег,
Гуляю по спальным районам под песню «Бездельник
Второй», с неба ядерный дождь льет иль сыпет метель,
Стою на мосту – я красив, восемнадцатилетен.

Ровесники пошлые в мыслях о бошках и в мемах,
а псевдоглубокие слушают реп макс демаха,
И вроде мне ровни среди них даже близко и нету
И девочка та недостойна залупы поэта,

Но как в песне Смитс я ночую один много лет.

Севастопольский Бульвар

К черту мои семнадцать, когда из-за дырки я руки резал!
Сопли и кровь, синий кент, я рыдал, изрыдавшийся в брюки лез.
Глупый ребенок, принявший отроческий ангст за грусти аскезы.
Это моя пластинка, моя кура Ряба, мой Русский Лес.

Нужно быть сильным и смелым, нельзя испугаться ни лая, ни рёва.
Нужно быть протофашистом таким, каким был Николай Гумилёв.
Нужно быть Диазом — стойко держаться под массой ирландского гнёта,
Смыть всю плаксивость долой точно так, как с скульптуры смывают помёт.

Боль есть пустяк, в сравненьи с минутой коровьей жизни на ферме,
Поэтому я воздрожусь от истерик, сама напиши мне, наверное.
Всю безтебятину выдам — как бросил курить, как решился на вегу.
И как перед мечтою о встрече с тобою я не согрешил безверием.

А не напишешь — с улыбкой уйду, не смущая тебя собой,
И ты никогда не узнаешь где мой *Boulevard de Sebastopol*

Это я, Петечка

Мои слёзы – целебный йод,
Мне обложка романа – щит.
Я бежал от тебя в Нью-Йорк,
И варил себе постные щи,

Отдавался большому Крису,
Забирался в трусы идиоток,
От безумия пьяного крика
Содрогался отель «Марриотт».

Я был брошен, мне было тридцать
Но в другом уголке вселенной,
Я не смог от тебя укрыться
Ты явилась ко мне Еленой.

Я скрывался в Памплоне, в Тайланде,
Ты всегда появлялась без стука,
Может всё ж мне выделять хватит,
Смехотворные эти потуги?

Изнутри так же хил, как на вид.
Не скала, а затасканный пуфик
Раздави же меня, раздави
Я не сильно запачкаю туфли.

Вольная прелюдия к поэме «Великий Онанист»

Петечка держит поэзии вожжи.
Вас укачает от скачки лихой,
Акт моего онанизма дороже
Целой коллекции ваших стихов.

Сердцем моим сигариллу прикурит
Нового века российский Фидель,
Люд языком моим, острым и бурым,
Вилы наточит и двинет на Кремль,

Вены сплетутся в стальную верёвку,
Ровно по шее верховного стерха,
Манной небесной в особый черёд,
Станет моя хлопьевидная перхоть.

Имя впишу меж Верленом и Данте,
Хоть они рядом со мною балласт.
Фактом знакомства с великим талантом,
Школьницу склеит Андрей Шамбала!

Великий Онанист

Часть 1

Вселенная съела неделю,
Лицом – совершенный Билл Мюррей,
Проснулся от чувства падения,
Как в книжке Альбера Камю.

Аллах покарал кяфира –
Ударился мордой об пол,
Как бьются сердца неофиток
Под первый альбом Interpol.

Поднялся с трудом, как Вронский.
Вздыхнул глубоко, как Стива,
Водой размочивши рот свой,
Как Раст Коул баночным пивом.

Сказав Джиму Джармашу нет,
Нейта Диаза вспомнив заветы,
Начислил себе в кабинет,
Без кофе, без сигареты.

Забылся на миг, словно Мышкин,
И вдруг оказался под душем,
Не помня, как так это вышло,
Как Элиот съехав с катушек.

Позавтракал хлебом с водою –
Почти Достоевский «Подросток».
И пялиться начал в окно я,
С печалью Сергея Бодрова.

Захвачен проспект гололёдом,
Текут по нему толпы медленно,
Как сперма течёт по бёдрам,
Бунтарки из «Саньки» Прилепина.

Не выйду сегодня из дома,
Останется парта пустой,
Глушить сладострастно истому,
Как... Словно... Совсем как... Снова,

Глушить сладострастно истому,
Мечтать о ночёвке со Стоей,
Делишки вершить непристойные,
Как... Словно... Совсем как... Стой!

Часть 2

Да как тебе духу хватило бежать от себя, как при действиях прочих,
Начав светлый акт онанизма, экстракт сокровенных идей одиночки.

Рефлексии первый и главный этап, торжество чистой правды и сути,
Отчаянный бой, где противник – ты сам, без зрителей, правил и судей?

Не спрячешься в ворохе фильмов унылых, насилу дочитанных книжек.
Какую б возвышенность ты ни лепил, реальность мучительно ниже.

Какой там Билл Мюррей? Князь Мышкин? Оставь этот быт замещающий шлак,
Проснулся – как Петя встаёт с той поры, как она, не прощаясь, ушла.

Поел – как ленивый студент, как бездарный поэт, как неумный пацан,
Помылся – как самый никчемный ребёнок поникшего духом отца.

Левак-маргинал, в двадцать с мамой живешь, бытовые заботы отбросив,
Себя обеспечить способен, ведь кодомартышкой работаешь в офисе,

Пьешь кофе за сотню рублей, в аш-энд-эме берешь за бесценок обновки,
Ты меньше хороших стихов написал, чем выкушал в центнерах водки,

Идейно беспечный он девственник вечный, достойно! Покатит на Пулитцер!
С набором твоих половых девиаций нельзя выпускать на улицу,

Немного набравшись, становишься слишком уж явно негожим подонком,
Суешься к бабищам, как пальцы ребёнка в розетку – с похожим итогом.

Нарцисс и зазнайка, пускаешься в лесть ты в попытках утешить либидо,
И с этим ты всё ещё воображаешь, что мог безнадежно любить!

Ты, верно, Лимонов в своей голове, в других – дурачок неприличный,
Что ты – онанист, это видно прекрасно, но слушай, причём здесь величие?

Кому и зачем ты войну объявляешь, стянувши белье до коленей?
Кто более мерзок тебе, чем ты сам? Россия ль? Твоё поколение?

Ты хочешь услышать? Давай освежим бесполезно-нескромное мнение
Про сущность людей, про Родину, про современников.

Часть 3

Чтоб как-то назваться, моё поколение
Себе не сваяло Пелевина.
Какое ж оно, безымянное племя,
Последние дети миллениума?

Зачатые в гибель великой страны,
Под выстрелы танков в столице?
Не смогших застать ни дешевой травы,
Ни доброй советской милиции?

Зачатые мы от отчаянья пьяным
Народом, дефолтом прибитым,
Зачатые против, в абсурд, несмотря на,
Подрыву домов вопреки!

Какое оно? Да примерно такое ж,
Как Сталинское или Брежневское.
По мне, если чем поколения несхожи,
То разве что мерой изнеженности.

Моё поколение углем не топит,
Мы угли в кальянах меняем.
Но кто б не менял? Неужели нам стоит
В вину пресыщение вменять?

И пусть поколение всё норовит
Прикинуться яркой химерой,
Пусть вас не смутит его красочный вид,
Оно, как и прочие – серо.

На небе гремевших, грядущих веков.
Ни тучка, ни солнышка лучик,
В сравнении со всеми, что старше него,
Ни разу не хуже, не лучше.

У них – неприглядных хрущёвок засилье,
У нас – недоступных высоток.
У нас – надоевший бездарный Васильев,
У них – бесталаннный Высоцкий.

Во все времена в моде глупость была
И глупым вещам поклонение,
С чего б изнутри мне пожаром пылать,
Хваля и грома поколение?

Часть 4

В попытках писать о тебе тяжело не случиться
Мошкой на твоей без того кровотокащей шее.
Я мог бы газетчикам желтым за деньги всучить
Историю наших с тобой непростых отношений.

В двенадцать себя объявил коммунистом в абсурд,
В тринадцать пел песни Кобзона и Марка Бернеса,
Портрет Леонидылыча на заставке Самсунга,
В пятнадцать — поп-панк, Удальцов и футболка с Эрнесто.

В шестнадцать — двестишестидесятый, Марш Миллионов,
Дают Ультиматум «Последние Танки в Париже»,
Собрания, митинги, акции, Кашин, Лимонов,
Казалось, что суд над чекистом всё ближе и ближе.

Еще походил по привычке в колонне нацболов,
Все меньше людей, всё добрей полицейские лица,
А дальше — Майдан, Новороссия, Крым, колорад или боров?
Отказ разбираться в дерьме и держаться позиций,

Я рос, но какие б не выбрал идеи, кумиров,
Какую бы юному мозгу не выпало цель нести,
Всегда понимал, что во всем загнивающим мире,
Нет гнили пахуче, чем традиционные ценности.

Да, нравственность — самая грязная в мире путана,
Числом оправданий злодейств и жестокостей — лидер,
Стремятся народу её навязать неустанно.
Причем здесь Россия? За что мне её ненавидеть?

За тех, на кого по учебникам Геббельса шлют
Туман пропаганды и стереотипов груз?
За думских моральных садистов? За нравственных шлюх?
За кучку жлобов, называющих мерзкое русским?

Живот нашей Родины вспорот центристским ножом,
Реальные выборы — выборы к пенному снеков.
За наши грехи пострадал не какой-то божок,
За наши грехи помирают в тюрьме политзеки.

Россия сейчас в оккупации, слышим и видим.
Но кроме себя-то за это кого ж ненавидеть?

Часть 5

Мне чужд нигилизм, я — гигант сострадания, сочувствия важный титан,
И болью в прокуренном сердце моём отзывается каждый теракт.

Но если кого ненавижу сильнее, чем циников и атеистов,
Так это их главных врагов — тех, кто миф о гуманности ценит неистово.

Держу в голове, что под песни за мир и любовь, что игрались Вудстоком,
Патлатый адепт гуманистского бреда пил пиво и лопал хот-доги.

Всего пятьсот тысяч сосисок из молотых тушек — премилые цифры!
Услышав, подумаешь, много ли разницы — свастика или пацифик?

Легальный концлагерь себя называет мясным комбинатом, и, странно,
Его филиалы повсюду — от бедной Камбоджи до НАТОвских стран.

Однажды я понял, виновен не запад, не власть и не саммит ОПЕК.
Плоха не Россия, не мой современник, плох в принципе сам человек.

Его я боюсь, от него я скрываюсь, я знать не хочу скотобойни,
Жестокости, пошлости, всякой иерархии, набожной чуши и воен.

Ломаю лицом зеркала, чтоб себя вашей правде не дать пожирать,
Где плачет палач, переевший котлеток, припомнив о датском жирафе.

А мне бы гигантские крылья, и я воспарил бы над миром людей,
И с выси небесной ошпарил бы гневом любого, кто мирен с идеей

О добром начале людском, о сакральном значении злобного вида,
О том, что венец он творения, прочие бредни, что в головы вбиты,

Но сам я — такой же, как все, человек желаний прегадких и низменных,
И мой обличительный, гневный полёт обращается в акт онанизма.

Эпилог

Вот я, сорокалетний:
Бородка, плешь, усы.
Гуляю по планете
С десятилетним сыном.

Жужжит в лугу пчела,
Не надо, сын, не лезь к ней,
Она нам не чета,
Она людей полезней.

Без пчел в четыре года
Погибнет всё живое,
Без нас же мать-природа
Разнежится в покое.

И в этом самый цимес:
Мы сеем геноцид.
Животным мы — нацисты,
Планете мы — бациллы.

И полны очи слёз.
Отчаянного чада,
Сквозь хныканье вопрос:
Зачем меня зачал ты?

Летит обратно в небо
Его пустое тело.
Я эгоистом не был,
Я этого не делал.

Вот я сорокалетний,
Всё тяжелее веки,
Какой же грех нелепый —
Родиться человеком.

Научно-издательский центр ЦГПБ им. В. В. Маяковского
Тел. (812) 385-10-88
E-mail: office@pl.spb.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.08.2016.
Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура PT Sans. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1,2. Заказ № 1901. Тираж 100 экземпляров.